

Чужая невеста

Автор:

Ирина Волчок

Чужая невеста

Ирина Волчок

Можно влюбиться с первого взгляда? Конечно, можно. Если не считать того, что в невесту друга влюбляться вообще-то нельзя. А если друг ведет себя по отношению к собственной невесте как скотина? Тогда можно считать его бывшим другом, выбить его новые американские зубы, а там – будь что будет...

А будет свадьба. Ксюшка, как и все девочки, мечтала выйти замуж за миллионера. По крайней мере, она именно так объяснила мужу причины своего поступка: все, что осталось непотраченным от ее многомиллионного выигрыша, она перед свадьбой положила на банковский счет жениха. Таким образом, он стал миллионером, а она вышла замуж за миллионера. Очень Ксюшкина логика. К этой логике Лешему еще долго привыкать – наверное, всю жизнь.

Ирина Волчок

Чужая невеста

Глава 1

Больше всего он не любил режим дня. Подъем во столько-то ноль-ноль. Завтрак по дороге к лифту. К определенному часу на работу. В одно и то же время обед. Сидеть от и до. Приходить домой, ужинать перед телевизором, спокойной ночи,

малыши, завести будильник, лечь засветло, чтобы опять проснуться ни свет ни заря. Главным образом, из-за этой своей антипатии к упорядоченной жизни он и бросил вполне хорошую – не считая необходимости сидеть от и до – работу и несколько лет назад ушел в свободный полет, который, правда, оказался тоже не таким уж свободным. Конечно, с занудством конторской рутины никакого сравнения, но тоже пакости хватает. Например, такой, как прибытие твоего поезда на станцию назначения в пять утра, да еще такого не по-летнему пасмурного утра. Хорошо еще, что проводница Людочка разрешила ему маленько задержаться в купе, чтобы не слеша помыться-побриться, одеться и оглядеться. Кипятком он с вечера термос зарядил, чтобы не шастать по вокзальным буфетам, а тяпнуть стаканчик растворимого кофе, не отходя от ставшей за ночь родной нижней полки. Так что все не так уж и плохо. Не считая того, что еще нет шести. Ну, куда бедному крестьянину податься в шесть утра, да еще в совершенно чужом городе, да еще если этот город – Москва?

Странно, но Москва действительно казалась ему чужой. Сколько он здесь не был? Года два, наверное. Отвык. Или Москва так изменилась?

Он побродил по Курскому вокзалу, без особого любопытства замечая изменения. Так, ничего особенного. Побольше товаров и услуг. Все те же товары, все те же услуги. Ничего нового, не считая нового «Стиморола» с еще более устойчивым вкусом. Охраны вроде стало побольше. А народу – поменьше. Или это из-за раннего часа?

Ну, в конце концов, не такой уж и ранний час. Уже вполне можно позвонить Марку. Почему он один должен страдать? Пусть и Марк проснется с рассветом. Сам же в гости приглашал. Так вот – целуйте меня, я с поезда.

Марк снял трубку после первого же гудка.

– Леший, это ты? Ну, здорово, ну, я рад, ну, молодец!

Голос у него был совершенно не сонный, бодренький такой голосок. Это возмутительно.

– Я тебя не разбудил? – удивился Алексей. – Или ты вообще не ложился?

– Да я всегда рано встаю, – объяснил Марк. – У меня теперь са-а-авсем другая жизнь... Ну, потом наговоримся. Ты с вокзала? Вот что, мне сейчас отъехать надо, где-то до двух-трех часов. Ты давай прямо сюда, ключ я в сто шестой оставлю. Поешь, поспишь, ну, все такое. А потом я приеду и повезу тебя в Павловку, к тете Наде. Там у нее один человек живет. Я тебя с ним познакомлю...

Голос у него был ужасно таинственный.

Алексей не выразил никакого любопытства, поэтому Марк тут же раскололся:

– Этот человек – моя невеста. Вот так. Ее зовут Оксана.

– А может, потом как-нибудь? – буркнул Алексей. – Может, я лучше к Лариске заеду? У тебя свои планы, что мне под ногами путаться...

– Знаешь что, – помолчав, строго сказал Марк. – Не двигайся с места. Я через пятнадцать минут за тобой заеду. Часок у меня будет, так что посидим, поговорим...

Что и требовалось доказать. Алексей повесил трубку и подмигнул своему отражению в табличке «01, 02, 03». Он не потерял формы. А Марк все тот же.

Марк был на тот. То есть до такой степени не тот, что Алексей его просто не узнал. Даже не понял сначала, чего этот тип претяся прямо на него, раскинув руки и сияя ослепительной улыбкой а-ля «Мистер Америка». Мистер Америка с налету заключил его в благоухающие не нашим парфюмом объятия и растроганно сказал Маркушиным голосом:

– Леший! Ну, хоть бы сколько-нибудь изменился! Ну, как из холодильника!

– Зато ты... ну, Маркуша! Нет слов, – честно признался Алексей. – Потрясен. Раздавлен. Убит. Ты что, банкиром заделался?

– Вообще-то да, – неожиданно сказал Марк. – В смысле – я работаю в банке. И знаешь, перспективы вполне... – он поплевал через плечо и потянул Алексея к стаду машин на стоянке. – Пойдем, по дороге поговорим.

Еще раз Алексей остолбенел перед мягко сияющим «BMW», дверцу которого Марк открыл с подчеркнутой небрежностью.

– Я смотрю, ты вовсе процветаешь, – с подчеркнутой же завистью сказал Алексей. – Ну, просто новый русский, не считая того, что старый еврей.

– Я же не еврей, ты же знаешь! – вскинулся Марк.

– Шучу, – успокоил его Алексей. Он забыл, что у Марка мало того, что болезненный пунктик по поводу имени, так еще и чувства юмора нет. То есть вообще. Напрочь. И вот ведь что удивительно – у всех его жен было вполне нормальное чувство юмора. Конечно, с поправкой на женскую логику. И ничего, со всеми Марк прекрасно уживался. Вплоть до развода.

– Новая невеста опять двухметровая блондинка с голубыми глазами? – почти утвердительно сказал Алексей. Все жены Марка были похожи, как близнецы. Совершенно непонятно, почему он менял одну на другую. – Бой-баба из купеческого сословия? Папа – замминистра, мама – президент фирмы «Рога и копыта», бывший муж – дипломат, брат – рэкетир?

– Да ну тебя, Леший, – Марк был несколько смущен – Всегда ты все утрируешь. Во-первых, Оксана никакая не блондинка. Она довольно темненькая...

– Брюнетка?! Не пугай меня, Марк. Что с тобой случилось?

– Да нет, не брюнетка, конечно, – поспешно сказал Марк. – Но не блондинка. В общем, неопределенного цвета... Ну, не важно. Она, конечно, не красавица... то есть обычная внешность, ничего особенного, и невысокая... И папа у нее не замминистра. В смысле – у нее вообще нет отца. Он недавно погиб. Там какая-то темная история, я особо не вдаюсь, знаешь, о родне меньше знать надо и меньше слышать...

Ну и ну. Новая невеста у Маркуши была «ничего особенного», да еще и не блондинка. И папа не замминистра. Значит, Маркуша влюбился. Хотя, с другой стороны, влюбленный до потери холостяцкой свободы человек не стал бы говорить о своей невесте такие слова, как «не красавица», «ничего особенного»... Ладно, разберемся.

В большой и очень ухоженной квартире Марка тоже произошли кое-какие изменения. Новая мебель, новая видеотехника, новые кухонные прилады... А впечатление было прежним – будто большой, дорогой, вычищенный до стерильности гостиничный номер, готовый к вселению жильцов. Но нежилой.

– А почему твоя Оксана у тетки Надьки живет? – спросил Алексей, оглядываясь в стерильной кухне и отмечая отсутствие всяких признаков пользования этой кухней.

– Как почему? – искренне удивился Марк. – Оксана же не москвичка. Квартиру в Москве сейчас снять сколько стоит? В Павловке все-таки у знакомого человека, и дешевле намного. У нее зарплата небольшая пока, недавно работает... вернее, подрабатывает. Она еще учится, в МГУ. Диплом пишет уже.

Алексей непонимающе уставился на Марка, и тот, помявшись и как-то неуверенно поулыбавшись, договорил:

– Она не бой-баба. Она довольно молодая еще. Ей скоро двадцать три года.

Довольно молодая еще... Очевидно, Марк спятил. Не может быть. Алексей не мог представить себе Марка, который спятил бы из-за женщины. Из-за какого-нибудь нарушения параграфа – сколько угодно. И даже из-за не совсем удачной стрижки. Или, допустим, из-за ободранных котенком обоев – это Алексей сам видел еще много лет назад. Но из-за женщины? Никогда такого не было, даже в дни бурной юности.

– А почему бы тебе ее не удочерить? – неосторожно ляпнул Алексей, забыв, что у Марка была еще одна болевая точка – возраст. Даже тогда, когда все нормальные пацаны стараются казаться взрослыми, Марк боялся выглядеть старым.

– Знаешь, Леш, – тут же надулся Марк и стал поправлять свой вызывающе скромный галстук. – Я тоже человек веселый, и посмеяться люблю, и все такое... Но, знаешь, всему есть границы. Я что, совсем старая развалина? Ты-то сам намного моложе?

– Да ну, мы же почти ровесники, – успокаивающе сказал Алексей. Это было не совсем так. Алексею через месяц будет тридцать два. Марку месяц назад

стукнуло тридцать семь. Но после тридцати о разнице в возрасте думать уже как-то неинтересно. – Что ты дергаешься? Это я так шучу.

– А-а... Я, знаешь, отвык от твоей манеры. И, знаешь, ты при Оксане так не шути, ладно?

– Ладно, – согласился Алексей. – Вы с ней здесь будете жить?

– Нет, – неуверенно сказал Марк. – Не совсем. Сюда мама хочет переехать. А я хочу соседнюю квартиру купить. Я и с хозяевами уже говорил.

– Ого, – удивился Алексей. – Так ты у нас и правда богатенький?

– Да как сказать, – Марк заерзал на табуретке, резко двинул чашку – так, что кофе выплеснулся на стол, – взял стерильно чистую салфетку и долго вытирал кофейную лужицу. Потом аккуратно сложил салфетку и спрятал ее в специальную коробку для испачканных кухонных тряпок, предназначенных в стирку. Потом опять уселся за стол, помолчал и нервно хмыкнул. – Ну, ладно, все равно ты узнаешь. Это Оксана, так сказать, богатая. Она недавно десять миллионов выиграла.

– Что она сделала? – изумился Алексей.

– Ну да, я сам обалдел, – виновато сказал Марк. – Я, знаешь, никак не ожидал, что она эти билеты покупает. Такая разумная девушка, деловая, строгая. Никаких романтических бредней... А она, оказывается, в это лото все время играла. Так, знаешь, на нее не похоже. Ну, ладно, все кончилось хорошо...

– Да уж куда лучше, – подхватил Алексей сочувственно.

– Ты опять смеешься? – Марк подозрительно пригляделся и поджал губы. – Ну, не важно. Главное теперь – правильно деньги вложить. Оксана, конечно, на всякие глупости не способна, но все-таки... Опыта у нее никакого, да и родня с толку сбить может...

– Но ты же никому не позволишь сбить ее с толку? – озабоченно спросил Алексей.

– Конечно, нет! – энергично сказал Марк. – Я с ней уже говорил на эту тему. Ну, не конкретно, а так, в общих чертах. К счастью, она вполне управляема. Это, знаешь, не Лариса. И вообще ничего общего с москвичками из этих... ну, ты понимаешь.

– Понимаю, – задумчиво протянул Алексей. – Я все понимаю. Кроме одного – с каких это пор тебе москвички разонравились? И особенно – «из этих»?

– Да они мне никогда и не нравились, – неожиданно откровенно признался Марк. – И вообще пора остепеняться. Все, что нужно, у меня есть, пора и детей заводить. Оксана – девушка молодая, здоровая, воспитанная в строгости... Да ты не смейся. Если вдуматься, так это очень важно, чтобы у твоих детей была нормальная здоровая мать, без всяких, знаешь, закидонов. Какая мать из поэтессы? Или, допустим, художницы?

– Не говоря уж об актрисах, – подсказал Алексей. Три жены Марка были именно актрисой, поэтессой и художницей.

– Вот именно, – серьезно согласился Марк. – У Оксаны, слава богу, никаких таких талантов. Да и вообще она не честолюбива.

– Ну, тебе везет, – завистливым голосом пропел Алексей. – Богатая невеста, да еще воспитанная в строгости... да еще и управляемая... да еще и без всяких талантов... Это тебе крупно повезло.

– Да, можно сказать, повезло, – не уловив сарказма, самодовольно согласился Марк. – Материал, конечно, сырой... Довольно молодая еще, да и, знаешь, провинция все-таки. Нет того стиля. Но к моим советам прислушивается, так что...

Алексей уже не слушал. Ему вдруг стало жалко эту глупую девчонку, эту маленькую серенькую мышку, эту богатую невесту его бывшего однокурсника, бывшего секретаря райкома комсомола, бывшего мужа красавицы Лариски, а сейчас – преуспевающего банкира, настоящего москвича. В первом поколении.

Алексей не захотел сидеть один у Марка дома, ждать, когда тот вернется со своей деловой встречи и повезет его в Павловку знакомить с невестой. Какие еще деловые встречи в субботу с утра пораньше? Ну, им, банкирам, видней.

Алексей сам может прекрасно добраться до Павловки электричкой и познакомиться с Маркушиной серой мышкой. А главное – повидать тетку Надьку. Хорошая тетка, он о ней все время вспоминал. Когда четырнадцать лет назад они с Марком учились в университете и снимали комнату в ее большом и нелепом доме, тетка Надька, бывало, здорово выручала их в трудную минуту. А также в трудный час, в трудный день, неделю, год и так далее. И за квартиру они платили не каждый месяц... Правда, помогали, чем могли – огород вскопать, дровишки попилить, поросенка покормить, то, се... Но это ерунда, дело нехитрое. К тому же тетка Надька никогда ничего не требовала. Сам вызвался – и спасибо, и молодец. Еще и подкармливала их, дармоедов. А потом Алексей познакомился с Ларисой и привез ее показать дом, в котором живет, и своего друга Марка, и свою хозяйку тетку Надьку. А потом Лариса вышла замуж за Марка, а Алексей перевелся на заочное и уехал. А потом прошло несколько лет, прежде чем Алексей вновь оказался в Москве и приехал навестить Марка в его новой квартире с его новой женой, и Лариску – в старой родительской квартире, но с новым мужем, и тетку Надьку в ее нелепом доме с очередными жильцами-студентами. В тот раз он привез тетке Надьке целую дорожную сумку гостинцев – каракулевый полушубок, пуховый платок, отрезы каких-то тканей – мать выбирала, он в этом никогда силен не был. И еще всяких вкусок из магазина, и еще пятилитровую банку меда – своего меда, лучшего майского меда со своей пасеки. В общем-то, и все остальное было, строго говоря, медом. Все его доходы в то время были только от пасеки.

Тетка Надька плакала и улыбалась, сидя на веранде посреди лета в дареном полушубке и запивая чаем дареный мед, слушая его отчет о прожитых годах и одобряя в нем все, кроме нежелания жениться. Она любила его и желала ему счастья. Алексей это точно знал, потому что сам любил ее и желал ей счастья. Ну, или чтобы жить ей хотя бы полегче было, что ли.

После этого он еще бывал у нее два раза, и каждый раз что-нибудь привозил в подарок. В меру сил. Потому что жизнь у него получалась сильно извилистая, а финансовое положение колебалось от буквально полуголодного существования до покупки нового дома своим старикам.

Сейчас все у него было хорошо, поэтому чемодан с гостинцами оттянул руки до онемения, пока он добирался от электрички до самой окраины поселка, где между двумя новыми строительными площадками оставалось еще несколько старых частных домов, в том числе и дом тети Нади. Скоро и эти снесут. Жалко-то как.

– О-о-ой-ей-ей-ей! – закричал издали веселый пронзительный голос. – Ой, вы смотрите, кого это к нам несет! Ой, Лешик, ой, хороший мой, ой, обрадовал старуху!

Навстречу ему по улочке пылила сама тетя Надя, размахивая руками, подолом доисторической ситцевой юбки мелкотравчатой расцветки, улыбаясь до ушей молодой, зубастой улыбкой. Никакая она была не старуха. Она всегда была такая – маленькая, сухонькая, с легкой проседью в богатых темно-русых волосах, с гладким, румяным, загорелым лицом, ясными серыми глазами и белозубой улыбкой. И ведь до сих пор свои зубы, – радостно изумился Алексей. Вон уголок левого резца все так же стесан. Утром, присматриваясь к Марку, Алексей спросил, что у того с зубами. Вроде раньше не такие были.

– Неплохо, да? – Марк улыбнулся и провел ногтем по зубам. – Американская технология. Безумно дорого, но ведь стоит того, а?

У тети Нади улыбка была не хуже, не считая того, что досталась задарма.

– Ах ты, тетка Надька моя, шустрая какая, – забормотал Алексей, роняя а пыль чемодан и обнимая ее тощенькие плечики. – И куда же ты бежишь с такой скоростью?

– А в магазин, – тетка Надька выдернула из кармана доисторической юбки доисторическую же авоську и предъявила ее Алексею. – Жратвы кой-какой прикупить.

– Поворачивай, – приказал Алексей, подхватывая чемодан. – Я абсолютно все приволок.

– Спорим, не все, – азартно вскинулась тетка Надька.

– Все, все... Спорим, – поддержал Алексей их старую игру.

– На бутылку шампанского, – предложила тетка Надька. – Идет?

– Идет.

– Так вот, хлеба ты не несешь.

– Ох, черт, действительно, – притворно огорчился Алексей. – Ну, ничего, зато шампанское прихватил.

Тетка Надька тоненько засмеялась, зажмурилась, повернулась и пошлепала по дороге, на ходу обернувшись и крикнув:

– Ты иди, там открыто! Буксир тебя помнит, пропустит. А если забрешет – Ксюшка выйдет, она за домом морковку полет.

Опять квартиранты тетке Надьке по хозяйству помогают. Нынче у нее, надо полагать, пацанов нет. Маркушина серая мышка живет, и еще какая-то Ксюшка морковку полет. Ничего не меняется.

Ничего не меняется – все та же дорожка, выложенная давно потрескавшимися плитками, которые он сам когда-то натаскал с ближайшей стройки. Сколько он помнил, тут всю жизнь поблизости какая-нибудь стройка была.

Ничего не меняется – Буксир узнал его, обрадовался, бросился на грудь и сделал попытку облизать лицо, но, поскольку Алексей успел закрыться рукой, облизывал локоть. А потом потрусил по дорожке к дому, пританцовывая, приглашающее оглядываясь на ходу и сбивая хвостом цветы календулы, которые росли по бокам дорожки, наверное, с начала новой эры.

Ничего не меняется. Двери нараспашку, в прихожей цыплята мечутся, и Буксир, бестолочь невоспитанная, в дом лезет. Алексей выгнал цыплят на веранду и закрыл дверь перед носом у Буксира:

– Куда лезешь? Иди исполняй служебные обязанности.

Ничего не меняется. В большой, чуть не на половину площади всего дома кухне – тот же доисторический буфет. Тетка Надька хвалилась, что получила этот буфет в подарок на свадьбу от своих бабки с дедом. Очень может быть. А вот этот стол они с Марком сами сколотили. Штучная работа. Теперь таких не делают. А плита электрическая. Хотя и печь не сломана. Правильно, тетя Надь, береженого Бог бережет. А это что? Батарея центрального отопления? Может, тут и ванна

появилась, и другие удобства?

Алексей оставил чемодан в кухне и принялся бродить по дому, с жадным интересом заглядывая во все закоулки, которые тут назывались комнатами, отмечая нововведения и вспоминая прежние.

На пороге крошечной темной комнаты он остановился, уловив тонкий горьковатый аромат. Ваниль? Миндаль? Где тут выключатель был?

И вдруг он вспомнил, что в доме должны быть женщины. Кто-то там морковь пропальывает, но ведь есть еще и невеста Марка. Он поспешно отступил, прикрыл дверь, а потом постучал:

- Эй, есть кто живой?

Никого там живого не было, не считая еще одного цыпленка, который суматошно протискивался в щель и свиристел дурным голосом. Алексей сгреб цыпленка, выкинул его на веранду и продолжил экскурсию уже осторожней. Мало ли. Может, серая мышка Марка спит в такую жару. Вот хорош бы он был, если бы вломился к Маркушиной невесте... Неужели это ее духи так пахнут? Вряд ли. То, что рассказывал об Оксане Марк, никак не ассоциируется с этим ароматом.

Ладно, но куда же все подевались?

Алексей направился к задней двери и шагнул на открытую веранду, выходящую в тетя Надин сад-огород. Ох, как все тут разрослось! Заблудиться можно. И тут вдруг ему послышался негромкий мягкий смех, даже не смех, а смешок – внезапный, короткий и такой заразительный, что он и сам заулыбался, еще не видя, кто там смеется, еще не зная, почему там смеются, – может быть, над ним? Он улыбался, оборачиваясь на смех...

И было ему видение. Спиной к нему стояла нимфа. Или дриада? Забыл. Не важно. Спиной к нему стояло волшебное создание в закрытом черном купальнике и шляпе, сделанной из рекламного плаката кока-колы. Из-под шляпы падала буйная грива слегка вьющихся волос, светло-каштановых, с темным блеском в глубине массы и золотым сиянием выгоревших кудрявых концов. Волосы закрывали волшебное создание почти до талии, особых подробностей

фигуры не различишь, да и лица он еще не видел, но ноги были такие, что никаких сомнений не возникало: создание было волшебным. Однозначно.

Она опять коротко засмеялась, и Алексей с похолодевшим сердцем подумал: хоть бы не она оказалась невестой Марка. Он зачарованно смотрел на нее, и не решался окликнуть, боясь испугать, и не мог уйти...

Вдруг она пригнулась, медленно вытянула руку, на секунду замерла в напряженной, хищной позе, грациозная, как дикий звереныш, и с торжествующим воплем метнулась вперед, шлепнувшись с размаху на морковную грядку животом, запустив руки под пионовые кусты.

– Что случилось? – тревожно спросил Алексей и шагнул со ступенек веранды на траву.

Он был почти рядом, в двух шагах, но она его не слышала. А, ну ничего удивительного – ее бумажная шляпа при падении слетела, и он различил в разлохмаченной копне этих удивительных волос ободок и черные пуговицы наушников. Естественно. Нынче так принято отдыхать. Все таскают плеер. На работу, на свадьбу, на пляж, на красный свет через дорогу... не считая прополки моркови. Интересно, что она слушала? «Зайка моя, я твой хвостик»? И при этом смеялась... Безусловно, это существо не может быть невестой Марка.

Существо что-то бормотало, лежа на животе, и что-то там делало руками в зарослях пионов. Потом существо зашевелилось, село по-турецки, одной рукой сдвинуло ободок наушников на шею, а другую, обмотанную какой-то веревкой, поднесло к лицу. Господи, да у нее в руке змея!

– Та-а-ак, – сказала девушка зловеще. – Так-так. Это ты, змейская твоя морда, всех лягушек съел? А я, значит, от комаров погибай, да?

Она свирепо хмурила тонкие темные бровки и забавно шевелила яркими пухлыми губами, преувеличенной артикуляцией подчеркивая негодование. Пушистые ресницы были коричневыми, с рыжеватыми выгоревшими концами. Будто цветочной пылью припудрены. Интересно, какие у нее глаза?

– У меня есть средство от комаров, – негромко сказал Алексей. – Так что можете гуманно отпустить змею на волю.

Она вскочила на ноги, взметнулась ее роскошная грива, упали на землю наушники, в больших светло-карих глазах мелькнул страх. Свою змеюку она прижимала к груди, да еще и закрывала ее другой рукой. Она что, боится, что он отберет у нее добычу?

Девушка несколько секунд смотрела ему в глаза. Он видел, как уходил из ее глаз страх, как в них появилось что-то вроде облегчения, и она улыбнулась:

– Это не змея. Это ужик. У меня тоже что-то от комаров есть. Гадость вонючая. Все равно не помогает. А вы к тете Наде?

– В какой-то степени, – машинально сказал Алексей. Глаза у нее были даже не светло-карие. Глаза у нее были золотистые... нет, медовые. Да, как свежий мед на свету. – Я вообще-то к своему другу Марку приехал. Слышали о таком?

Девушка опустилась на колени, погладила ужа пальцем по голове, выпустила его в пионовые кусты, подняла свою шляпу, криво напялила ее на голову и только потом поднялась и взглянула на него. Взгляд у нее стал какой-то настороженный. С чего бы это?

– Я всегда буду пить кока-колу, – торжественно поклялся Алексей, глядя на ее шляпу.

– Ни в коем случае, – девушка сняла шляпу и попыталась вывернуть ее наизнанку. – Ужасно вредная гадость. Понавешали везде рекламы, а дети смотрят. Я этот плакат на станции специально содрала... Они, правда, опять повесили... – Она вздохнула, повертела плакат и, скомкав, вытерла им руки. Потом протянула маленькую ладошку: – Ксюша.

Он осторожно сжал ее прохладные тонкие пальцы. Слава богу, это не она невеста Марка.

Она потянула свою ладонь из его ладони, слегка покраснела и смущенно хмыкнула:

– То есть Оксана. Марк не любит, когда меня Ксюшей зовут.

– Так это вы невеста Марка?! – Алексей был ошеломлен. Это невозможно. Тут какая-то ошибка.

– Я... – Оксана вздохнула и покусала губы. – А вы его друг Алексей, я знаю, Марк рассказывал. Я хочу вас попросить... То есть... В общем, не говорите ничего Марку, ладно?

– Что не говорить? – не понял Алексей. – Что вы его невеста? Или что он мой друг?

– Да нет, это можно сказать, – серьезно ответила она. – Не рассказывайте, как я ужа ловила. И что плакат сорвала. И что морковку полола, да еще в таком виде.

– Эта жуткая тайна умрет вместе со мной, – торжественно поклялся Алексей. – А что вы музыку слушали, да еще в таком виде, – об этом можно рассказывать?

– Ни в коем случае, – еще серьезней ответила Оксана. – Тем более что это не музыка, а Жванецкий. Марк его не любит. Или, может, не понимает.

– Это одно и то же, – задумчиво сказал Алексей. – Понять – значит полюбить. А кто любит, тот и понимает.

– Не скажите, – печально отозвалась Оксана. – Я, например, в своей работа все понимаю. И умею. Правда. А не люблю. А зверей всяких просто ужас как люблю. И совершенно не понимаю, почему они все такие прекрасные.

– Потому что живые, – подсказал Алексей.

– Ну, не знаю... – Оксана криво усмехнулась. – Люди ведь тоже все живые...

– Но далеко не все прекрасные, да? – Они стояли на веранде лицом к лицу, Алексей не отрываясь смотрел в ее медовые глаза и видел в их прозрачной глубине печаль. – Людей вы не всех любите, да, Ксюша?

– Да, – спокойно сказала она. – Пойду, оденусь, вдруг Марк к обеду придет.

Она скрылась в доме, а он смотрел на закрывшуюся дверь без единой мысли в своей дурной голове. Если не считать мысль о том, что Марк – бревно. Но эту мысль можно было и не считать. Это была не его мысль. И вообще не мысль, а диагноз, поставленный теткой Надькой Марку еще четырнадцать лет назад.

Глава 2

Марк оказался даже большим бревном, чем можно было ожидать. Начать с того, что Оксана, предполагая, что Марк может приехать к обеду, стянула свою роскошную гриву в тугий пучок на затылке, да еще старательно пригладила волосы мокрой щеткой, да еще побрызгала лаком, чтобы ни один завиток, не дай Бог, не высвободился. Потому что Марк, оказывается, не любит растрепанные прически. Более того – она надела черную юбку ниже колен и серенькую невыразительную блузку с длинными рукавами и почти мужским воротником. Марк, оказывается, любит классический стиль и неброские цвета. И уж совсем выбила Алексея из колеи ее попытка запудрить румянец на загорелой мордашке и легкие янтарные веснушки на переносице. Марк, оказывается, считает веснушки несолидными, а яркий румянец – вульгарным.

Что хоть происходит? Алексей не знал, злиться ему или смеяться. Не считая того, что время от времени приходилось напоминать себе, что это не его дело.

Последнюю каплю добавил случай за обедом. Они сидели втроем в необъятной кухне за столом штучной работы, хлебали зеленые щи со сметаной, по методу тети Нади остуженные в холодильнике перед употреблением, запивали их шампанским из разнокалиберных чайных чашек, пробовали привезенные Алексеем всякие ветчинки-колбаски и говорили все одновременно на многочисленные темы, ухитряясь слышать друг друга, и задавать вопросы, и отвечать на них, и смеяться хором, и... в общем, все было хорошо. А потом закипел легендарный теть Надин самовар, и Алексей открыл роскошную коробку конфет – самую большую коробку, которая нашлась в кондитерской, – и тут Оксана сказала:

– Марк ведь скоро не приедет, наверное?

Алексею показалось, что в ее голосе прозвучала надежда. Интересно... Да нет, показалось, конечно.

- Марк вообще-то обещал после четырех, - сказал он.

- А-а, тогда мы успеем, - она живо выскочила из-за стола и побежала в свою комнату. Алексей непонимающе смотрел на втихомолку хихикающую тетку Надьку.

- Абрикосовые косточки, - объяснила тетка Надька. - Все дело в абрикосовых косточках. Маркуша их на дух не переносит, и Ксюшке не велит грызть.

- При чем тут... - начал Алексей, но тут вернулась Оксана с большим полиэтиленовым пакетом в руках. Ее окружало облако волшебного аромата - того, который Алексей уловил на пороге темной комнаты. Ваниль. Или миндаль? Абрикосовые косточки! Конечно, вся ее комната пахла абрикосовыми косточками.

- Ужасно люблю, особенно с шоколадом, - сказала Оксана с довольной улыбкой, шлепая пакет на стол и усаживаясь на свое место. - И ничего в них нет вредного.

- Конечно, нет, - авторитетно поддержал Алексей. - Я их тоже с детства люблю.

- Правда? - обрадовалась Оксана. - А Марк говорит - яд. Как застучает, что я грызу, - прямо из себя выходит. А мне бабушка специально абрикосовые косточки колет и ядрышки сушит. Много засушила, килограмма два. Только все сразу не отдала, понемножку присылает. А то обожрись. У меня на эту тему никакой силы воли.

Она была той же, какой увидел ее Алексей в саду, когда она смеялась, слушая Жванецкого, и ловила ужа, и обозвала его змейской мордой, глядя при этом его змейскую морду своим нежным прохладным пальцем. Она была все той же сказочной дриадой, несмотря на строгий тугий пучок и строгую длинную юбку. Не считая шелковой серой блузки с длинными рукавами. Это в такую-то жару. Да еще в ожидании жениха. Интересно...

После обеда Оксана сказала, что ей надо быстренько диплом допечатать. А то через два дня – последний срок, а она сказала Марку, что уже все сделала, вдруг он спросит, вот ужас-то будет... Алексей обревизовал хозяйство тетки Надьки и решил пока развлечься починкой двери в курятнике. Тетка Надька вертелась рядом, осуществляя руководящую роль и между делом выдавая тонны крайне ценной информации. Через полчаса Алексей уже знал массу подробностей о Ксюшкиных вкусах и привычках, о ее многочисленных дарованиях, о горячей любви к дедушке с бабушкой, о голубой мечте – купить им дом с садом. Марк, судя по всему, об этой мечте даже не догадывался.

– Теть Надь, – задумчиво сказал Алексей, – ты не знаешь, чего это она замуж за него собралась?

– Предложил – она и согласилась, – неохотно сказала тетя Надя. – Что ж тут непонятного... Мне вот другое непонятно – чего это он на ней жениться решил?

– Влюбился, должно быть, – предположил Алексей.

– Так мы про кого говорим? – ехидно сказала тетка Надька, и они понимающе улыбнулись друг другу.

– Может, из-за этого... из-за выигрыша ее? – Алексей неловко поежился. Все-таки подозревать в таком друга... Были же они когда-то друзьями.

Тетя Надя серьезно задумалась и неуверенно хмыкнула:

– Вообще-то ему Ксюшкин выигрыш погоды не сделает. Маркуша сейчас сильно в гору пошел. Хотя... Нет, не знаю. Да и сказала Ксюшка о выигрыше недавно. А заявление они подали два месяца назад, свадьба через месяц.

– Не могу представить, – растерянно сказал Алексей.

– А я, думаешь, могу? – тетка Надька сердито посопела и раздраженно отпихнула ногой суматошного цыпленка. – И вот что я думаю: Ксюшка тоже не может представить, дурочка глупая. Он ведь даже не догадывается, что у девки душа есть. Он же с ней как... с компьютером.

– Тетка Надька, ты-то откуда знаешь про компьютеры? – Алексей преувеличенно изумился.

– Ой, Лешик, плохо ты обо мне думаешь, – тетка Надька задрала нос. – Ксюшка меня уж год обучает. Я и в кубики умею играть, и в шарик. И за машинками гонялась, только стрелять не могу – мне их жалко.

– А где же вы компьютер взяли?

– Так Марк Ксюшке сразу привез. Она ведь на компьютере работает чего-то. И у него в банке, и дома. Говорят, большой специалист наша Ксюшка.

И тут дверь дома распахнулась, и на веранду вылетел большой специалист – Ксюшка была уже опять растрепанная, в коротком ярко-зеленом ситцевом платье и босиком. Она лихо пропрыгала по ступенькам на одной ножке и помчалась к ним, размахивая каким-то листком бумаги.

– Телефонограмма, – радостно доложила она слегка запыхавшимся голосом. – Марк сегодня не приедет, у него еще какие-то дела. Завтра мы приглашены дегустировать китайскую кухню. Он уже и столик заказал. Мне велено одеться как порядочной девушке. Вам, Алексей, велено пригласить для себя даму. Вам, тетя Надь, велено не кормить нас завтра обедом. Что делать будем?

Она прямо лучилась откровенной детской радостью. И Алексею вдруг показалось, что радость эта никак не связана с китайской кухней. Ему показалось, что она радуется тому, что Марк сегодня не приедет. Но ведь этого не может быть. Она же его невеста, в конце концов. Алексей поймал себя на том, что и сам сияет, как лужа под солнцем. Он быстро глянул на тетку Надьку, та глянула на него, и они опять понимающе улыбнулись друг другу.

– Ну, что делать, – с покорным видом сказал Алексей. – Будем выполнять указания старших товарищей. Он завтра за нами когда заедет?

– Да не завтра! – Оксана нетерпеливо отмахнулась обеими руками и даже попрыгала на месте. – То есть завтра он заедет, конечно. В восемнадцать ноль-ноль. Но это только завтра... Сейчас что делать будем?

Тетка Надька склонилась над цыплячьей кормушкой, имитируя бурную хозяйственную деятельность и пряча улыбку. Алексей не отрываясь смотрел в оживленное Ксюшкино лицо. Она вдруг смутилась, опустила глаза, отступила на шаг и сказала несколько напряженно:

- То есть... Я не имела в виду... В смысле - у вас, наверное, какие-то свои планы...

У Алексея были свои планы. Не считая того, что планами это пока нельзя было назвать. Скорее - мечты. Но о них он не мог рассказать никому, тем более - невесте своего друга. Марк все-таки был ему другом. По крайней мере, до тех пор, пока не женился на Лариске.

- У меня есть план, - тетка Надька выпрямилась и стояла, задумчиво глядя то на одного, то на другого. - Смородину обобрать надо. Того и гляди падать начнет.

- Какой замечательный план! - восхитился Алексей. - Просто гениальный план! Да, Ксюш?

- Да, - она опять просияла, сложила из Маркушиной телефонограммы самолетик и, не глядя, запустила его куда-то в сторону. - Теть Надь, мы из смородины будем варенье варить или желе?

- В зависимости от трудовых успехов, - важно сказала тетка Надька. - Если очень много соберете - желе. Если просто много - варенье. Если немного - с сахаром протрем. Если совсем мало - так съедим...

- Мы соберем очень-очень-очень много, - решила Океана и вдруг принялась стаскивать платье через голову, но запуталась шевелюрой в застёжке, нетерпеливо затопталась на места, дергая и теребя то платье, то собственные волосы, сердито бурча что-то сквозь обернувшую лицо ткань.

Алексей с теткой Надькой опять переглянулись и одновременно тихонько засмеялись.

- Ну и что тут смешного? - обиженно крикнула Оксана из ситцевого кокона. - Я за пуговицу зацепилась. Может, мне кто-нибудь все-таки поможет?

Алексей взял ее за плечи, повернул к себе спиной и стал распутывать длинную прядь волос, обмотавшихся вокруг застёжки платья. Ему это удалось бы лучше, если бы он не ощущал так остро, какие шелковые и пушистые эти волосы. И еще если бы он не уловил грустное сочувствие во взгляде тети Нади.

Наконец Ксюшка стащила платье, победно помахала им над теперь уже совсем лохматой головой и распорядилась:

– Теть Надь, ведро и две банки. Алексей, вы тоже раздевайтесь, а то черная смородина практически не отстирывается.

– Да у меня и плавок-то с собой нет, – с сожалением сказал Алексей, не отрывая взгляда от ее закрытого черного купальника. Слишком закрытого, на его вкус.

– Ну, трусы-то какие-нибудь у вас есть, – рассудительно возразила она. – Чего особенного? Посторонних тут нет, кого стесняться?

Нет, это невыносимо. Алексей не помнил случая, чтобы невинное замечание вогнало его в такое смущение. Может быть, потому, что было таким невинным? Она не может выйти за Марка. Не должна. Не имеет права. Если это случится, он просто умрет... Минуточку, кто умрет? Алексей замер с шортами в руках, уставясь в раскрытый чемодан невидящим взглядом. Марк умрет? Естественно, Марка хватит удар, когда он поймет, что Оксана – совсем не та серая мышка, которую он себе придумал. Ну и черт с ним. Он, Алексей, умрет? Наверное, умру, – обреченно признался себе Алексей. Только представить, что Марк смеет дотронуться до этого растрепанного чуда природы с медовыми глазами... Она умрет, вот что самое страшное. Она не помещается в убогих рамках Маркушиных представлений. И никогда не поместится. И умрет, как цветок в хлороформе.

Господи, что же это делается?! Они знакомы всего несколько часов. Не считая того, что она – чужая невеста. Кто он для нее? Совершенно посторонний человек, появился и исчез... «Посторонних тут нет», – вдруг вспомнил Алексей и обрадовался неизвестно чему. Ну, чему ты радуешься? – пытался образумить он себя. Это еще ничего не значит. Она относится к тебе как к... тете Наде.

Может быть. Ну и пусть. Лучше пусть относится как к тете Наде, чем как к Марку. А дальше видно будет.

Алексей решительно натянул старые, затрепанные шорты, которые обычно надевал только дома, несколько смущенно оглядел себя в большом мутном зеркале ободранного шифоньера и вышел из дому.

Океана ждала его на веранде, сидя в окружении полусонного Буксира, суматошных цыплят и жадно следящей за ними кошки, и рассказывала всей этой живности о преимуществах мирного сосуществования. Услышав его шаги, она вскочила, подхватила со ступенек пустое ведро и нетерпеливо сказала:

– Ну, сколько ждать можно? Солнца совсем мало осталось, так и не позагораем как следует!

Обернувшись к нему, скользнула взглядом по его фигуре и откровенно восхищенно ахнула:

– Какой вы красивый, просто необыкновенно! Можно, я потрогаю? – не ожидая ответа, она шагнула к нему и вдруг приложила к его груди маленькую прохладную ладонь.

Алексей быстро перехватил ее руку, закрыл глаза и стиснул зубы, чувствуя, что сейчас он заплачет, или засмеется, или сгребет чужую невесту в охапку и унесет ее далеко-далеко... в свой дом на берегу Ленты. И если Марк или кто-нибудь еще придет, чтобы отобрать ее у него, он встанет на пороге с отцовским ружьем...

– Я, наверное, никогда так не загорю, – завистливо сказала Оксана. – И Марк не разрешает. Говорит, загар вреден для здоровья.

Алексей с трудом разжал пальцы, выпуская ее руку, и открыл глаза, медленно возвращаясь к действительности. Оксана стояла перед ним, помахивая пустым ведром в одной руке, а другую поднесла близко к левому плечу, и сравнивала цвет кожи. Вдохнула, разочарованно щелкнула языком и подняла на него безмятежные медовые глаза:

– Ну, ладно, что ж теперь... Пойдем, да?

И вдруг запнулась, встретившись с ним взглядом, застыла, не отрываясь от его напряженных, горячих, серьезных глаз... Нахмурилась, отвернулась и пошла по

ступенькам веранды вниз, в тетя Надин сад-огород, в свое царство, в свои дриадские владения.

Пусть не сейчас, пусть даже не скоро... Ничего, он подождет. Господи, какой она еще ребенок... Он будет ждать столько, сколько нужно. И дождется. И пусть он сдохнет через две секунды вот на этом самом месте, если позволит кому-нибудь подойти к ней с той же целью ближе, чем на выстрел из старого отцовского ружья.

Глава 3

Оксана сунула дискету в пакет и выключила компьютер. В понедельник мальчики из отдела рекламы распечатают ее дипломную работу, а во вторник она ее отнесет. Защита в пятницу, так что возвращать «на доработку», надо полагать, не будут. Вот как она все хорошо рассчитала. А если что – придумает еще десяток страниц, что ей, жалко, что ли. И перегонит все другим шрифтом и другим форматом. Чтобы пачка листов была раза в два толще. Фигушки кто осилит дочитать до середины. Ничего, все защищаются, и она защитится. Страшновато вообще-то. Надо было послушаться Марка и сделать как все: настричь кусков из литературы-макулатуры, слепить все это под проходным названием, а в конце – список первоисточников страниц на двадцать. Но самолюбие заело. И-е-е-эх, дура ты, Ксюха. Не считая того, что ужасно умная. «Не считая того» – кто так говорит? Алексей так говорит. Леший. Друг Марка. Откуда у Марка такой друг? Тетя Надя рассказывала, как они у нее вместе жили сто лет назад. Учились на экономическом. Дрова пилили. Любили красивую девушку Ларису.

Как-то странно все это. Оксана могла представить все это по отдельности. Марк учится на экономическом. Алексей пилит дрова. И любит Ларису. Марк женится на Ларисе, тоже вполне логично. Но Марка, пилящего дрова, или Алексея, сидящего в аудитории, Оксана представить себе не могла. И уж тем более – Марка, влюбленного в Ларису, пусть даже и очень красивую. Оксана вздохнула и потерла глаза кулаками. Поздно уже. Куда эти часы все время деваются? Ага, вот они. Но стоят. Опять завести забыла. Наверное, час ночи. Или два. Ну и что? Какая тебе разница, – упрекнула она себя за суетное любопытство. Чтобы сказать потом Лерке, что вот, мол, за пару часов закончила диплом печатать, да

еще и по страницам разбросать успела... Хвастунишка. Дохвастаешься. Не защитишь – и красней тогда...

Пойти в гамаке покачаться, что ли?

Оксана надела халат, стянула волосы резинкой в хвост, сунула ноги в домашние шлепанцы и отправилась заниматься любимым делом – валяться в гамаке, привязанном за стволы двух старых яблонь, и мечтать о том, как она будет выбирать дом для бабушки и дедушки. Самый лучший дом. С самым роскошным садом. С самым удобным гамаком в том саду. Она будет приезжать в гости к бабушке и дедушке, валяться в гамаке и придумывать, что бы такое им еще подарить...

В темноте она чуть не наступила на развалившегося в неподходящем месте Буксира, споткнулась, потеряла шлепанец, наклонилась, шаря в траве, и сердито зашептала, отталкивая мокрый собачий нос:

– Животное ты, вот ты кто! А если бы я тебе лапу отдала? Небось, плакал бы, да? Небось, меня бы обвинил? А сам под ноги лезешь... Ну, кто ты после этого, я тебя спрашиваю! Отвечай немедленно, нечего мне тут коленку слюнявить...

– Да не ответит он, – донесся из-под яблонь тихий низкий голос, в котором слышалась улыбка. – Он сегодня что-то неразговорчивый.

Оксана замерла, вцепившись в шерсть на спине Буксира, от страха забыв дышать. И только через несколько секунд вспомнила, что в доме сегодня гость: ну да, это же Алексей, кто же еще здесь может быть, да и Буксир чужого не пропустил бы... Но коленки все еще дрожали, и она всхлипнула, с трудом переводя дыхание. Все это было очень похоже на тот случай – ночь, сад и чужой голос из темноты. Только собаки тогда с ней не было.

– Ксюш, ты что это? Испугалась?

Он вдруг оказался совсем рядом, его силуэт закрыл рисунок ветвей на фоне чуть светящегося неба, и на нее пахнуло жарким ароматом большого загорелого тела, какой-то сухой травы и ее любимых абрикосовых косточек.

– Нет... немножко...

Она с трудом выпрямилась, все еще дрожа, и неловко отступила, напоровшись голый ступней на какую-то колючку. Зашипела от боли сквозь зубы, непроизвольно схватилась за его протянутые к ней руки и вдруг поняла, что сейчас заревет.

Главное – и он это понял. Замер на мгновение, сжимая большими шершавыми ладонями ее локти, чертыхаясь шепотом сквозь зубы, а потом совершенно неожиданно подхватил ее на руки и понес... Куда? Оксана дернулась, пытаясь высвободиться, но он только крепче прижал ее к себе, бормоча что-то успокаивающее и даже укачивая, как ребенка. И тут же опустил в гамак, отошел на шаг в темноту, повозился там и вновь оказался рядом. В руке его снопиком слабого света вспыхнул электрический фонарик, и Алексей быстро мазнул лучом по съежившейся в гамаке фигурке.

– Где? Покажи... Где поранилась? Чем? Как? О, господи... – в голосе его была такая тревога, что Оксана совсем перестала сдерживаться и откровенно заплакала, по-детски хлюпая носом и вытирая обильные ручьи слез длинными рукавами халата. Он тут же плюхнулся в гамак рядом с ней, обхватил ее большими сильными руками, поднял, посадил к себе на колени и крепко прижал к своей широкой твердой груди, глядя по голове и бормоча в ухо:

– Ну, что ты, маленькая? Ну, что случилось? Ну, не плачь... Все будет хорошо, вот увидишь... Ну, что мне сделать? Ты только скажи...

Оксана свернулась клубочком, вцепившись руками в его рубашку и уткнувшись мокрым от слез лицом в его широкое теплое плечо, и плакала в три ручья, и не могла остановиться, потому что она так давно не позволяла себе плакать... И потому, что ей никогда еще не попадалось такого подходящего для этой цели плеча. И потому, что было темно, и никто не видел ее покрасневшего носа и опухших глаз. И потому, что ей было уютно и спокойно в его объятиях.

Он все гладил ее волосы, все шептал спокойные нужные слова, и она постепенно успокаивалась, затихала, впадая в оцепенение, – ни горя, ни страха, ни ожидания, одно большое теплое спокойствие с оттенком усталости.

– Я устала, – сипло сказала она, отрываясь от его плеча и пытаясь освободиться из его теплых рук. – Я вообще никогда не плачу, а тут вдруг... Я, наверное, просто устала.

Он тут же посадил ее рядом, выпустил из объятий и слегка качнул гамак.

– Еще бы, – согласился он серьезно. – Днем – сельхозработы, ночью – сочинение диплома... Кто угодно устал бы.

– А, ерунда все это, – отозвалась она слегка раздраженно и топнула ногой, качнув гамак. – Какая это работа... Я вообще устала. От всего. От жизни.

– Это бывает, со мной сто раз так было... – Алексей не особенно задумывался над тем, что говорить. Ему просто хотелось, чтобы она сидела рядом. Ему хотелось слушать ее чуть осипший от слез голос, и угадывать в темноте ее прелестную заплаканную мордашку, и вдыхать волшебный запах ее волшебных волос. – Это со всеми так бывает. Кажется: ну все, никаких сил больше нет. А потом: раз – и вдруг все меняется. И опять жить интересно.

– Интересно? – Оксана саркастически хмыкнула и шмыгнула носом. – Это что же такое должно измениться, чтобы жить стало интересно?

В ее голосе слышалась горечь. И злость. Алексей помолчал, борясь с острым желанием опять взять ее на руки и укачать, как ребенка, вздохнул и сказал:

– Ну, мало ли... Защита диплома, например.

Она хмыкнула еще саркастичнее и еще сильнее качнула гамак.

– Или, скажем, изменение семейного положения, – продолжал он там же ровным тоном. Она уперлась в землю пятками, затормозив движение гамака, и буркнула:

– Поздно уже. Я спать хочу.

– Или, например, крупный выигрыш, – не обращая внимания на ее слова, продолжал Алексей.

Она опять качнула гамак и подтянула ноги, устраиваясь рядом с ним теплым уютным комочком.

- Вам тетя Надя сказала?

- Нет, Марк.

- А-а... И что мне теперь делать? - В ее голосе слышался искренний интерес.

- Знамо дело, что, - авторитетно ответил Алексей. - Потратить все поскорей, чтобы голова не болела.

- А на что? - Она даже наклонилась к нему, пытаясь в темноте увидеть его лицо.

- Да на что хочешь! Ведь ты же хочешь чего-нибудь?

- Я хочу дом купить. Бабушке и дедушке, - мечтательно сказала Оксана. - Самый лучший.

- Со всеми удобствами? - озабоченно поинтересовался Алексей.

- Со всеми, - решительно подтвердила Оксана. - Но за городом. И чтобы сад был. Большой. Или даже огромный. Это дорого?

- Безумно дорого. Миллиона на два потянет.

- Ух, здорово, - обрадовалась она. - Тогда я еще хочу лошадь, собаку и пистолет.

- Лошадь у меня есть, - похвастался Алексей. - А собак аж четыре штуки, не считая бродячих. Все бродячие всегда почему-то возле моего дома пасутся.

- А пистолет есть? - затаив дыхание, шепотом спросила Оксана.

- Охотничье ружье есть. Старинное. Отец подарил.

– Ружье – это тоже хорошо, – задумчиво сказала она. – А почему тебя Лешим зовут?

Алексей не удивился внезапному обращению на ты, но волна горячей радости обдала его с такой силой, что он даже дыхание задержал и зажмурился.

– Почему? – Она еще ближе наклонилась к нему, задев его плечом.

– Потому что я в лесу живу, – хрипло сказал Алексей. – Потому что я дикий человек, нецивилизованный. Серый и неграмотный. Небритый и нестриженный. И таким желаю предстать.

Оксана тихонько засмеялась, совсем так же, как смеялась, когда слушала Жванецкого. Алексей положил руку ей на плечи, слегка притянул к себе и, наклонившись, близко заглянул в лицо. Почувствовав, как она вдруг вся сжалась, быстро чмокнул в нос и отпустил. Оксана вздохнула, опять коротко засмеялась и с интересом спросила:

– Ты все мои косточки съел?

– Что? – удивился он. – Какие косточки? А-а... абрикосовые. Нет, не все. Половину тебе оставил. Я щедрый.

Она опять вздохнула и сказала теплым голосом:

– Знаешь, мне кажется, я тебя тыщу лет знаю.

– Это ты такая старая? – ужаснулся Алексей, утопая в новой волне горячей радости.

– Не считая того, что я такая мудрая, – гордо сказала Оксана. – По-моему, вот-вот светать начнет. Или мне так кажется? – Она вдруг ахнула, резко наклонилась вперед и свалилась на землю. Не успел Алексей испугаться, как она засмеялась, завозилась под гамаком и встала. – Буксир, скотина бестолковая... Чуть до смерти не напугал. Тапку мою нашел, принес и на ногу мне надеть хотел. Не на ту!

– Действительно, бестолочь, – согласился Алексей. – Я бы обязательно на ту ногу надел. Я умный.

– Ты правда умный, – подтвердила Оксана. – Даже удивительно, откуда у Марка такой... – Она вдруг замолчала, вздохнула и сказала скучным голосом: – Я же просплю все царствие небесное. Мне завтра постирать нужно, книги библиотечные собрать, починить кое-что... И еще в этот китайский кабак неизвестно в чем идти. Ужас какой-то... Пойдем спать, да?

– Пойдем.

Алексей поднялся, взял ее за руку и повел в дом, хотя никакой необходимости в его руководящей деятельности не было – уже и правда светало. Не считая того, что Оксана, судя по всему, могла бы найти дорогу и сама, даже в полной темноте.

На внутренней закрытой веранде они остановились, улыбнулись друг другу и разомкнули руки.

– Спокойной ночи, – сказал Алексей, не двигаясь с места.

– Где ночь? Какая ночь? Не вижу никакой ночи, – сказала Оксана, тоже не двигаясь с места.

– Виноват. Исправлюсь, – покаялся Алексей. – Спокойного утра.

– То-то... – Оксана потерла кулаками припухшие от слез глаза и сладко зевнула. – И впредь чтобы не повторялось. Спокойного утра.

Они опять улыбнулись друг другу и разошлись в разные стороны: он – в отведенный ему гостевой закуток на застекленной веранде, она – в свою крошечную темную комнатку, пропахшую абрикосовыми косточками.

Марк говорил, что абрикосовые косточки пахнут синильной кислотой. В первый раз при мысли о том, что она нарушает очередной запрет Марка, Оксана не ощутила чувства вины или страха, ставших уже привычными за последние месяцы. Она вообще ничего не ощутила, если не считать легкого раздражения и

внезапной необъяснимой жалости к этому взрослому, серьезному, надежному, красивому, богатому, преуспевающему... – что там еще? – человеку. Ее жениху. А она – его невеста. Свадьба почти через месяц. В душе шевельнулось знакомое чувство паники, но тут же она вспомнила, что Леший будет здесь еще целых две недели, и мгновенно уснула.

Глава 4

Оксана проснулась в таком радостном настроении, в каком она просыпалась много-много лет назад, когда все у нее было хорошо, когда ее любили папа и мама, когда она была их светом в окне, когда каждый новый день начинался с ожидания праздника. Она полежала в темноте, соображая, с чего бы ей было так весело, и тут же вспомнила прошлую ночь и свою истерику при свидетелях. Ну, при одном свидетеле, но все равно... Фу ты, стыд какой! Сколько лет даже в подушку не ревела, а тут – нате вам, в чужую манишку. Точнее – плечо. Да еще не чье-нибудь плечо, а плечо Лешего. Как она теперь ему в глаза смотреть будет?

– Как я в глаза людям смотреть буду? – вдруг донесся сердитый голос тети Нади. – Ты вообще думаешь, что говоришь?

– Тише, Ксюшку разбудишь.

Это голос Алексея. Он улыбается. По его голосу всегда слышно, когда он улыбается. Тетя Надя сбавила тон, и они о чем-то заспорили на кухне. Интересно, о чем? Не слышать. Шепчутся, ее будить не хотят.

Оксана подхватила с узкого жесткого диванчика, который служил ей постелью, накинула халат, краем сознания отметив, что от халата неуловимо пахло чужим запахом, и босиком пошлепала в кухню, где за монументальным дубовым столом совершенно ручной работы сидели нос к носу Алексей и тетя Надя, энергично шепча что-то в лицо друг другу и время от времени размахивая перед носом собеседника руками.

– Что за шум, а драки нет? – строго спросила Оксана. У нее получилось бы гораздо строже, если бы голос не был таким сонным. – Кто у кого игрушку отнял? Кого в угол ставить?

Они оба тут же обернулись к ней, заулыбались при виде ее розовой мордашки под копной встрепанных, неровно выгоревших кудрей, криво запахнутого на тоненькой фигурке фланелевого халата шестьдесят какого-то размера, подпоясанного куском веревки с висящей на ней бельевой прищепкой, ее смуглых босых ног – на одной ноге уже светлеющий синяк, на другой – совсем свежая царапина, – привычно переглянулись и одновременно засмеялись.

– Вы чего смеетесь? – Оксана шлепнулась на табуретку и уцепила с тарелки самый толстый ломоть ветчины. – Вы надо мной смеетесь?

Она набила ветчиной рот и, не вставая, повернулась к буфету в поисках чашки.

– Не вертись на табуретке, когда-нибудь так грохнешься – костей не соберешь, – проворчала тетя Надя, пряча улыбку, поднялась, достала из буфета большую фаянсовую кружку и поставила ее перед Оксаной. – И не садись на угол, сколько раз повторять. Семь лет замуж не выйдешь. И умылась бы хоть...

– Не больно-то и хочется, – ответила Оксана, наливая в кружку кипяченой воды из большого стеклянного кувшина, в котором кипяченую воду студили специально для нее.

– Чего тебе не хочется? – Алексей поймал ее взгляд и не отпускал его своими серьезными горячими глазами. – Умываться или замуж?

Ее глаза вдруг помрачнели, ярко-малиновые губы сжались, а тонкие коричневые бровки сошлись на переносице. Но ответила она тем же мягким сонным голосом:

– Я умывалась уже. Совсем недавно, перед сном.

– Опять ночью в гамаке качалась? – догадалась тетя Надя. И объяснила Алексею: – Все время с Буксиром вдвоем по ночам в гамаке сидят. Не понимаю, что в этом хорошего.

Алексей открыл было рот, но Оксана опередила его:

– А вот Леший понимает. Понимаешь, да? – Она вопросительно глянула на него, и он важно кивнул. Оксана тоже кивнула и объяснила тете Наде: – Он ночью тоже в гамаке качался.

– Ну-у-у?! – преувеличенно изумилась тетя Надя, остро глянув на Алексея, и тут же отвела глаза. – Еще один полуночник на мою голову. Но он-то хоть проснулся рано, а ты вон дрыхнешь до полудня.

– Как до полудня? – Оксана испуганно вскинула густые лохматые ресницы и замерла, не донеся чашку до рта. – Уже полдень? Ужас какой-то... Ничего не успею! Да еще этот китайский ужин, чтоб он провалился...

– Во, тетка Надька тоже, видать, китайскую кухню не любит, – печально вставил Алексей. – Не хочет идти в ресторан в качестве моей дамы.

Тетя Надя в сердцах плюнула и отвернулась к плите, без всякой надобности поправляя крышку на кастрюле с кипящим бульоном. Оксана непонимающе смотрела то на нее, то на Алексея, потом вдруг обрадованно ахнула, засияла, схватила тетю Надю за руки и, заглядывая ей в лицо, заворковала льстивым голосом:

– Тетечка Надечка, ну пойдем с нами, а? Ну, пожалуйста, ну, миленькая, ну, пойдем! Мы там недолго будем, как надоест – так и уйдем. Леш, скажи ей, ведь правда? Тетечка Надечка, ну, я умоляю!

– И эта туда же, – рассердилась тетя Надя, пытаюсь освободиться. – Отстань от меня! Оба совсем рехнулись.

Оксана вскочила, опрокинув табуретку, подхватила необъятные полы своего халата и со стуком ахнулась на колени, обхватив тетю Надю за ноги и уткнувшись лицом ей в подол. Она не переставала что-то неразборчиво бормотать жалобным голосом, и тетя Надя пришла в крайнее замешательство. Наверное, ни разу в жизни тетка Надька так не терялась, отметил Алексей с удовольствием. Но Ксюшка-то какова! Он с восхищением смотрел на фигурку, умоляюще прильнувшую к ногам окаменевшей тетки Надьки, и сам уже был готов встать на колени рядом с Ксюшкой для полноты драматического эффекта.

Но тут Оксана подняла лицо, и Алексей увидел ее умоляющие глаза.

– Теть Надь, для меня это очень важно, – серьезно сказала Оксана и потерлась подбородком о тетя Надины колени. – Если бы вы только знали... Пожалуйста, пойдите! Пожалуйста, а?..

Алексей ясно видел, до какой степени Ксюшка жаждет согласия тетки Надьки. И та видела. Мягко толкнула Ксюшку в лоб ладонью, освобождаясь от ее хватки, и буркнула расстроено:

– Сбрендил девка... Сроду я по ресторанам не ходила, а на старости лет попрусь! Да мне и не в чем.

– Так и я ни разу не ходила, – привела веский аргумент Ксюшка. – И мне не в чем. А вот вам как раз и есть в чем!

Она вскочила и ветром умчалась в свою комнату, откуда сейчас же донеслись грохот, стук, гром и Ксюшкино веселое чертыхание.

– Ой, сбрендил девка, – повторила тетя Надя и растерянно глянула на Алексея. – А все ты со своими дурацкими идеями. Что вот мне теперь делать-то с вами?

– Все, тетя Надь, – обреченно сказал Алексей. – Теперь уже ничего не поделаешь с нами. Придется тебе с нами в кабак идти.

– Ужас какой-то, – начала было тетя Надька с Ксюшкиной интонацией.

И замолчала, с открытым ртом уставясь Алексею за спину. Он оглянулся, ожидая увидеть бог знает что, судя по выражению лица тетки Надьки – не меньше, чем летающую тарелку. Из своей комнаты вышла Оксана, неся в высоко поднятых руках пластиковый прозрачный мешок на вешалке. Под пластиком мерцала дорогой тканью какая-то одежда.

– Ты чего это? Ты это к чему? – забормотала тетя Надя, и Алексей опять отметил то, чего не видел у нее никогда раньше, – панический страх.

– Леш, помоги, – Оксана подошла к нему, Алексей встал, и она вручила ему вешалку с испугавшим тетку Надьку нарядом. Оксана ловко стащила мешок, и Алексей увидел роскошный брючный костюм цвета топленого молока. Шелковый, наверное... Он в этом не понимал. Но то, что костюм роскошный, – это понимал даже он.

– Вот вы в чем пойдете, – решительно сказала Оксана, и Алексей потерял дар речи. А уж чего ожидать от тетки Надьки...

– А ты в чем пойдешь? – неожиданно деловито спросила тетка Надька, и Алексей потерял способность мыслить.

– В бабушкином платье, – сказала Оксана, и Алексей почувствовал, что теряет способность стоять без посторонней помощи.

– Во Маркуша обрадуется, – ехидно хмыкнула тетка Надька. – А че, я согласная. Имеем право повеселиться раз в жизни или как?

– Я тоже хочу повеселиться раз в жизни, – робко встрял Алексей. – Мне кто-нибудь объяснит?

– Мы все идем в китайский кабак. – Оксана глянула на него сияющими глазами, и он тут же заулыбался. – Тетя Надя – в моем брючном костюме. Я – в бабушкином свадебном платье. А ты в чем?

– А мне все равно, – лихо сиганул в омут Алексей. – В чем скажешь. Только у меня с собой барахла немного. Зато три галстука есть. Один лучше другого.

– Ладно, выберем что-нибудь, – пообещала Оксана. – Теть Надь! Я в ванную первая, у меня волосы долго сохнут. Потом – вы. Потом – Алеша. Леш! Повесь костюм в тетя Надиной комнате. Вытащи все свои вещи, я потом посмотрю. Теть Надь! Найдите бежевые тапочки – те, которые я привозила. Нечего их без толку хранить, вы их сегодня наденете. Леш! Вынь большое зеркало из своего шкафа и принеси сюда, вот в этот угол. Теть Надь! Вы не знаете, куда я бисерные серьги дела?

Все это Ксюшка говорила, одновременно допивая свою кипяченую воду, сдергивая с веревки, натянутой на открытой веранде, большое махровое полотенце, открывая кран над ванной, включая колонку, влезая на табуретку, чтобы достать с верхней полки буфета пакет с какой-то сухой травой, и еще миллион каких-то дел, но за всем Алексей не успевал следить. Он стоял, держа вешалку с костюмом на вытянутых руках, и обалдело вертел головой, стараясь не упустить из виду мелькавшую туда-сюда Ксюшку.

– Эй, командир, – окликнул он ее, когда она уже потопала в ванную. – Я забыл, кто мне спинку-то потрет?

– Все вопросы – к тете Наде, – строго сказала Ксюшка, закрывая за собой дверь. И уже из-за двери крикнула: – Теть Надь! Назначаю вас своим заместителем по оргвопросам и по всем остальным вопросам, связанным с вопросами развивающихся товарищей... а также граждан, господ и братьев по разуму. Да, к вопросу о братьях по разуму: кто сегодня Буксира кормил? Небось, зверь так и ходит голодный? Ну, ничего доверять нельзя, все самой приходится...

Она еще что-то говорила, но плеск воды и шум душа заглушали слова. Алексей стоял все в той же позе посреди кухни и тихо смеялся, не отрывая взгляда от двери ванной.

– Эй, – привел его в чувство ехидный голос тетки Надьки. – Ты чего это распоряжения не выполняешь? Велено повесить костюм в моей комнате и вывалить твоё барахло всем на обозрение. И Буксира накормить.

– Это превышение власти, – возмущенно сказал Алексей. – Использование служебного положения в личных целях. Насчет кормежки Буксира прямых указаний не было.

– Кто у нас зам по всем вопросам? – возразила тетка Надька, ведя его к себе в комнату и показывая, куда вешать костюм. – А зам – это, можно сказать, половина начальника. Я начальник – ты дурак.

– Ты – полуначальник, – возразил Алексей.

– Ну, Лешик, обижаешь... Если я полуначальник, стало быть, ты – полудурок?

Как он любил болтать с теткой Надькой вот так, не на тему, просто куда кривая разговор вывезет. Они болтали так еще четырнадцать лет назад, оба искренне наслаждаясь неожиданными зигзагами беседы, испытывая глубочайшую благодарность друг к другу за умение не обижаться на сознательное ехидство и нечаянную резкость, дружно развлекаясь стараниями Марка постичь смысл их безудержного треп. Правда, Марк недолго старался. Старайся, не старайся, а моча не «Шанель» номер пять, как говорила в таких случаях тетка Надька.

- Тетка Надька, - строго сказал Алексей, угрожающе пошевелив бровями на «полудурка». - Знаешь ли ты, что ты самая замечательная тетка Надька на всем белом свете?

- А то! - с удовольствием согласилась она. - А вот в Ксюшкин костюм влезу - и буду самой замечательной не только на всем белом свете, но и в его окрестностях! - Она хихикнула, прищурился один глаз и забавно сморщив нос. - А с Маркушей-то что будет, нет, ты только представь!

- На раз в маразм впадет, - мечтательно предположил Алексей.

- Да в маразм он еще в третьем классе средней школы впал, - отмахнулась тетка Надька. - Нынче что-то особое будет, попомни мои слова.

- А Ксюшка замуж за него собралась, - с неожиданной для себя бессильной яростью сказал Алексей. - Ну, куда ты-то смотрела?

- Ой, Лешик, поосторожней ты с Ксюшкой... - Тетя Надя вдруг посерьезнела и подняла на него тревожные глаза.

- Да ты что?! - рассердился Алексей. - Что ты обо мне такое думаешь, бесовестная ты тетка?

- Ничего я о тебе не думаю. Надо мне о тебе думать, как же... Я о тебе и так все знаю... - Тетя Надя потерла ладонями лицо и протяжно вздохнула. - О-ох-хо-хо... Дело не в тебе, Лешик. Все дело в Ксюшке. Знаешь что, пойдём-ка в сад, пока Ксюшка купается. Она в ванне всегда по часу сидит, успеем поговорить.

Вот, значит, как. Вот, значит, почему Ксюшка по ночам плачет. И ведь не понял ничего, дурак такой. Ну да, маленькая девчонка, здоровая, красивая, да еще и черт знает какие деньжищи при ней – что, мол, ей-то на жизнь обижаться? Во дурак-то. Один ты, козел, в жизни настрадался. Да что все твои неприятности по сравнению с бедой этой девочки?

Алексей закрыл глаза и сжал зубы, представив, как должна была испугаться Оксана прошлой ночью, когда он оказался рядом с ней в темноте, в саду, да еще за руки стал хватать... И как она окаменела, маленькая, когда в гамаке он обнял ее за плечи. Хорошо хотьхватило ума не лезть с нежностями, совсем все испортил бы...

– Щенки эти как поняли, что им с девкой не сладить, так бить ее принялись. Ногами. – Тетя Надя рассказывала тусклым голосом, не глядя на него, крепко сжимая на коленях сомкнутые в замок руки. – Два ребра сломали, ключицу, одну рану зашивать пришлось... От синяков вся черная была... Мне бабка ее все рассказала, когда прошлый раз приезжала. Если бы не отец – на всю жизнь, поди, искалечили бы ребенка. Или вовсе убили бы, сволочи пьяные... Отец как раз со смены шел, он у нее машинистом был. Прямо через садик тот и шел, и услышал что-то, даже и не знал, что эти падлы его дочку пытаются. Налетел на них, да обоих сразу и сшиб. Он сильный мужик был, молодой совсем, сорока еще не было. Ксюшка без памяти была, а тут очнулась и позвала: папа, мол, помоги подняться. Ну, он как ее узнал, так этих щенков задохлых сгреб, да лбами-то и стукнул. Кинул обоих через забор, а Ксюшку на руки – и домой, подъезд-то ихний – вот он, через двор перейти, метрах в двадцати всего. «Скорая» приехала – он сам о тех подонках вспомнил, показал, где их оставил. Один к тому времени очухался уже, смыться хотел, да с вывихнутой ногой не больно-то смоешься. «Скорая» уж сама милицию вызвала, те – протокол писать, то, се... Все как положено. Ксюшку – в больницу сразу, мать с отцом, конечно, с ней, отец вообще двое суток от нее ни на шаг не отходил, выгнать его из палаты пытались, так он – ни в какую. Хоть, говорит, стреляй, не уйду. Я, говорит, нянечкой здесь буду работать бесплатно, пока дочка не поправится. И ведь работал: мыл, мел, судна таскал. Да... А на третий день за ним милиция пришла, прямо в больнице и арестовала. За бандитское нападение на тех сучков. Один из них, кто постарше, сыном какой-то шишки оказался. Его папаша вообще отмазал – сотрясение мозга, мол, было, тяжелая травма, зона для здоровья очень вредная. Ну, не знаю, как там получилось. Второго, однако, посадили. Вроде ненадолго – ему

восемнадцать тогда еще не было. А отец Ксюшкин в тюрьме умер, до суда еще. Она из больницы только вышла, а на следующий день им сказали, что он умер. Сердечная, мол, недостаточность, во как. И хоронили его в ее день рождения. Ей тогда как раз шестнадцать исполнилось.

Алексей сидел за вкопанным в землю столом, уткнувшись лбом в некрашеную шершавую столешницу, закрыв голову руками – как под бомбежкой. Тетя Надя долго молчала, вздыхала, покашливала, потом протянула руку и непривычно робко коснулась его головы:

– Ну, чего ты, а? Ладно уж, все прошло, зря я тебе, наверное...

Алексей поднял голову, минуту смотрел на нее невидящим взглядом, потом сказал спокойно и даже отрешенно как-то:

– Я их убью.

Тетя Надя положила свои теплые ладони на его каменно сжатые на столе кулаки и криво усмехнулась:

– Нет, Лешик. Опоздал. Этот-то, папин выродок, после того и года не прожил. Сам подох, да и подох-то как, тьфу, прости, господи... Собственной блевотиной по пьяни захлебнулся. А второго еще через год в зоне пришибли.

– Мало им, – все также спокойно сказал Алексей. – У падали еще родня осталась. Кто у этой... блевотины отец?

Тетя Надя встала, перегнулась через стол и сильно похлопала Алексея ладонями по щекам. Села, посмотрела в его возвращающиеся к жизни глаза и сухо сказала:

– Я тебе зачем все это говорила? Я тебе все это говорила, чтобы ты о Ксюшке думал. А ты о чем думаешь?

– Ксюшка... О, господи... – Алексей закрыл ладонями лицо и передернул плечами, как от озноба. – Как же она пережила все это?

– Да не пережила она еще, вот в чем беда, – с досадой сказала тетя Надя. – О чем я тебе и толкую. Тогда-то совсем плохо было, так плохо, что девку даже лечить хотели... Ну, у этих, у психических... Она в школу перестала ходить, на улицу совсем не выходила, да и дома ничего не делала – сидела просто так или лежала. Даже книжек не читала и телевизор не смотрела. Ну, дед с бабкой – отцовы, не материны – к себе ее забрали, в деревню, они где-то под Курском живут. Там она потихоньку оживела, может, к матери и вернулась бы потом, да мать через год опять замуж вышла. Ксюшка и не захотела возвращаться. Школу в деревне закончила. Бабка у нее в той школе раньше учительствовала, так договорилась, чтобы экзамены сразу, чтобы тот год, что Ксюшка пропустила, не пропал. Как это называется? Экстер... Ну, ты знаешь. Ей разрешили, она во всех классах отличницей была. А потом в Москву поехала и сразу на журналистику поступила. С тех пор все в Москве. Училась, работала. Не хочет она у своих стариков деньги брать, а с матерью они что-то не очень дружатся. Теперь она к матери не вернется, наверное. А работала, чтобы на дом деду с бабкой заработать, вот глупенькая... С работами тоже не все слава богу. В Маркушином банке – это у нее пятое место. На всех прежних, бывало, чуть только попривыкнет – какой-нибудь кобель непременно приматываться начнет. А она этого на нюх не переносит, знамо дело, в детстве уже напуганная. Поверишь, с ножом ходила! Вот ведь беда... У Марка в банке тоже один сучок полез, так она его стулом чуть не пришибла. Шуму было!.. Ксюшка опять уходить собралась, да Марк добился, чтоб того поганца уволили. Ксюшка и осталась. Маркуша – первый начальник, который к ней без рук... – Тетя Надя замолчала с открытым ртом, тараща глаза от внезапного озарения. – Слушай! А ведь и правда! Вот тебе и почему она замуж за него собралась... Она же, дуреха, решила, что раз этот манекен ее за коленки не хватает, значит – приличный человек. Да еще и заступился за нее, этого... стулом травмированного выгнал. Вот какое дело, я думаю. Она его не боится.

– Как же, не боится! – фыркнул Алексей. – Она вон только думала, что Марк на обед заявится, и то уже сама не своя. Как замороженная.

– Да нет, Лешик, тут дело другое. Вообще-то она всегда такая. Как замороженная. Сама своя она только со стариками своими да со мной вот еще. Да со зверьем всяким. А при чужих – как неживая. Как какой-нибудь компьютер ихний.

– А при Марке? – напряженно спросил Алексей.

– И того хуже... – Тетя Надя раздраженно передернула плечами. – При Марке она вообще как выключенный компьютер.

– А при мне? – Алексей сам удивился, услышав свой сдавленный голос.

Тетя Надя помолчала, пожевала губами, с непонятной печалью глядя на него, и нехотя ответила:

– Тебя Ксюшка за чужого не держит. Я даже удивляюсь... Я тебе про нее к чему рассказала-то? Ты, Лешик, хороший, я знаю. Ты нарочно никого не обидишь. Но ведь мужик – он и есть мужик. Мужик такого иногда наворочает! И не со зла, и не сглупа, а с того только, что мужик. Ты не сердись, Лешик, но я-то вижу, как...

– Эй, двоечники, прогульщики, сачки и халявщики! – донесся с веранды жизнерадостный Ксюшкин голос. – Всех уволю без права переписки! Бульон почти выкипел. Буксир стащил со стола колбасу, цыплята доедают печенье. Теть Надь! Я ванну сполоснула, вам погорячей наливать?

Тетя Надя смотрела через плечо Алексея, и лицо ее светлело, глаза улыбались, руки успокаивались. Алексей сидел ссутулившись, обхватив себя за плечи, и боялся оглянуться. Его заживо сжирало огромное, острое, непереносимое чувство вины. Ни разу в жизни он не испытывал ничего похожего.

– Не дрейфь, Лешик, – тихо буркнула тетя Надя, быстро глянув на него. Потом поднялась и пошла к веранде. – Ксюш! Теперь Леший в ванну полезет, он сильно грязный. А я потом, под душиком. Щас мы с тобой пока фрак ему придумаем...

Алексей стоял под холодным душем до тех пор, пока его коричневая кожа не приобрела фиолетовый оттенок. Мудрая тетка Надька, добрая тетка Надька – загнала его в ванную, чтобы не оставлять перед Ксюшкиным взглядом сразу. Ему нужно было время, чтобы хоть чуточку прийти в себя. И под ледяным душем он постепенно пришел в себя. Не считая того, что он уже никогда не будет собой прежним.

Алексей растерся жестким, как терка, полотенцем, натянул за неимением банного халата белые слаксы и вышел из ванны, с интересом прислушиваясь к голосам, доносящимся с веранды.

– Да что ты, – убедительно ворковал голос тетки Надьки. – Такой хороший костюм, солидный. Дорогой, видать.

– Ни в коем случае, – категорично возражала Ксюшка. – В сером костюме будет Марк.

– Откуда ты знаешь? – начала тетя Надя, чихнула и засмеялась. – Правда... В чем же Маркуше еще и быть. Что ж теперь, Лешику голому идти, что ли?

– Я согласен, – сказал Алексей, выходя на веранду, где уже громоздилась огромная раскладная гладильная доска, а на плетеном кресле горой лежал его незамысловатый гардеробчик.

– Ну, еще бы, – с легкой ехидцей пропела тетя Надя. – Такому красавцу – и одеваться!

– Правда, – подтвердила Ксюшка, улыбаясь Алексею и откровенно разглядывая его с ног до головы. Вдруг она хлопнула себя ладонью по лбу и обрадовано ахнула: – Все, придумала! Снимай штаны.

– Зачем? – удивился Алексей. – Не, я, конечно, согласен и голым пойти, но до вечера еще время есть. Может, я пока в штанах побуду?

– Снимай, снимай! – Ксюшка уже деловито суетилась, вытягивая на веранду хвост удлинителя и включая утюг. – Ты в этих штанах в кабак пойдешь. И в коричневом пиджаке. Жаль, бежевой рубашки нет. Ну, ничего, можно и в белой.

– Я в коричневом пиджаке по грибы хожу, – сообщил Алексей неуверенно.

– Ничего, разок в ресторан сходишь, грибы не обидятся... – Ксюшка копалась в его шмотках на кресле, и Алексей поймал себя на том, что это ему приятно. Интересно. Сколько он себя помнил, он терпеть не мог, когда трогают его вещи.

– А ведь и бежевая рубашечка есть, – неожиданно сказала тетя Надя. – Помнишь, Леш, ты в прошлый приезд крышу чинил? Рубашку снял, да на чердаке и забыл. А она бежевая. Я ее тогда же и постирала, и погладила, и в шкаф повесила. Щас принесу.

Тетя Надя ушла за рубашкой, Алексей, прихватив шорты, ушел в свой закуток переодеваться, а Ксюшка застелила гладильную доску свежей простыней и разложила на ней полотняный пиджак бронзового цвета, в котором Алексей однажды действительно ходил по грибы. В шампиньоновую теплицу своего хорошего приятеля Юргена Пампеля, когда был у него в гостях на ферме под Франкфуртом-на-Майне. Ему ужасно хотелось рассказать это Ксюшке, но он не решился. Он скромный.

Глава 6

Тетя Надя заявила, что ей глубоко плевать на садистский приказ Марка не кормить народ перед ужином в ресторане, и они втроем, не считая Буксира, прекрасно просидели за поздним обедом почти до пяти часов.

– Ешь, ешь, – поощряла тетя Надя то одного, то другого, сама уминая все подряд с завидным аппетитом. – Еще неизвестно, что там подадут. Я слышала, что китайцы даже червяков жарят.

– Да нет, – успокаивал Алексей. – Это не червяки, это трепанги.

– Ужас какой-то! – с Ксюшкиной интонацией пугалась тетя Надя. – Одно название чего стоит... трепанги. Что хоть это такое?

– То же самое, только в море живут.

– Да не слушайте вы его, это он так шутит, – вмешалась Ксюшка, увидев, как вытягивается лицо тети Нади. – Леш, хватит людей дразнить. И вообще уже одеваться пора.

...Алексей при полном параде сидел в плетеном кресле на веранде и прислушивался к голосам в доме. В общем-то, прислушиваться было особо не к чему – Ксюшка и тетя Надя, насколько он понимал, не обменялись за последние полчаса и десятком слов. Зато процедура одевания сопровождалась непрерывным смехом: то коротким, внезапным, страшно заразительным смешком Ксюшки, то ехидным, тоненьким хихиканьем тети Нади, то дружным

дуэтом хохота. Алексей прислушивался и улыбался, представляя, что могло вызвать такое веселье. Тетя Надя в Ксюшкином костюме – это уже класс. Марк хлопнется в обморок. А Ксюшка в бабушкином платье. Свадебном. Интересно. Что бы это могло быть? Алексей попытался представить, как могло выглядеть свадебное платье Ксюшкиной бабушки, но ничего, кроме кринолина, не представлялось. Нет, кринолин – это вряд ли. Это, кажется, из прошлого века. Или позапрошлого? Ну, все равно, Марк хлопнется в обморок дважды. За его спиной скрипнула дверь, и голос тети Нади чопорно произнес:

– Прошу прощения, месье, вам пришлось ждать...

Алексей оглянулся и тут же вскочил, шаркнул ножкой, со всей доступной ему элегантностью кланяясь и восторженно закатывая глаза:

– Мадам! Я потрясен. Позвольте ручку...

– Не хватай, – строго сказала тетя Надя, отводя в стороны руки с растопыренными пальцами. – У меня маникюр, не видишь, что ли? Еще не высох.

Тетя Надя была великолепна. Тяжелый мерцающий шелк свободными складками драпировал ее маленькую тощенькую фигурку, рукава пиджака были закатаны почти до локтей, открывая тонкие загорелые руки с тяжелыми широкими браслетами, сплетенными из мелкого жемчуга, длинные нитки таких же жемчужин служили серьгами, такие же жемчужины поблескивали в густом пучке волос на затылке. И все это – шелк, украшения, узкие золотистые туфельки без каблука, даже совершенно непривычный бледно-розовый лак на коротко стриженных ногтях, – все это очень ей шло. Тетка Надья, безусловно, была красавицей. Жаль, что Ксюшка не надела этот костюм.

– Знай наших, – довольным голосом сказала тетя Надя, насладившись произведенным эффектом. – Это ты еще Ксюшку не видал. Ксюш! Скоро ты там?

– Сейчас-сейчас-сейчас, – запела Ксюшка из-за двери. – Я резинку не могу найти. Теть Надь, вы не знаете, куда я белую сумку дела?

Дверь опять скрипнула, чуть приоткрылась, и в щель вылетели Ксюшкины тапочки. Алексей машинально наклонился, подобрал их и поставил в угол. А когда выпрямился и увидел Ксюшку, то не сразу вспомнил, что пора бы и

вдохнуть. Это и есть бабушкино платье?.. Это было что-то вроде кольчужки, сплетенной из перламутровой нити, оставляющей открытыми руки и шею, мягко обхватывающей безупречную фигурку маленькой дриады. Рисунок плетения больше всего напоминал морозный узор на стекле, плотный вверху и постепенно переходящий в ажур к подолу сильно расширенной юбки чуть выше колен. Впечатление усиливали белые кружевные туфли на невысоком тонком каблуке.

– Значит, бабушкино платье, – по возможности спокойно сказал Алексей. – Ну-ну.

– Ну да... – Ксюшка покружилась перед ним, широкий ажурный подол заструился, обнимая ее ноги, взметнулась пышная грива неровно выгоревших кудрей, и Алексей опять забыл дышать. – Это бабушка мне связала. Для свадьбы. Правда, здорово?

Ах, да. Свадьба. Проклятье. Ничего, разберемся.

– Жених не должен заранее видеть платье невесты, – чужим голосом сказал Алексей. – Плохая примета.

– Наплевать и забыть, – жизнерадостно сказала тетка Надька.

– Тем более что Марк ни за что не согласится на такое платье, – так же жизнерадостно сказала Ксюшка, стягивая волосы резинкой в пышный кудрявый хвост.

– А его что, кто-нибудь заставляет это платье надевать? – спросил Алексей, и они втроем принялись хохотать, и хохотали несколько минут подряд, до тех пор, пока не приехал Марк.

Ни в какой обморок Марк, конечно, не хлопнулся. Слишком хорошо они о нем думали. Правда, глаза его слегка остекленели и холеное красивое лицо пошло красными пятнами, когда он узнал в изысканной даме тетку Надьку, а в кудрявой дриаде – Оксану. Но видимым усилием воли он справился с потрясением и даже сказал какой-то вымученный комплимент тете Наде до того, как та пошла к соседке, – предупредить, что все уходят и Буксира спустили с цепи. Но как только за тетей Надей хлопнула калитка, Марк повернулся к Алексею и выдал с откровенным раздражением:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/volchok_irina/chuzhaya-nevesta

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)